

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Снайпера вызывали?

«Научная книга»

Серова М. С.

Снайпера вызывали? / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 5-04-001826-6

У телохранителя Евгении Охотниковой – новый хозяин. Ее нанимает для своей охраны «рыбный король» города. По предположениям его аналитиков из службы безопасности, он должен быть следующей жертвой неуловимого снайпера, от рук которого уже погибло несколько крупных бизнесменов. Но кто за всем этим стоит? Может быть, готовится передел сфер влияния в городе? На эти вопросы пытается ответить Евгения. Но правда оказывается настолько невероятной, что действовать необходимо мгновенно...

ISBN 5-04-001826-6

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Снайпера вызывали?

Глава 1

Этой зимой наш город сотрясла мощная волна заказных убийств.

Влиятельные бизнесмены гибли один за другим. Милиция сбилась с ног в поисках таинственных заказчиков, газеты кричали о новом витке преступности, о том, что «лев прыгнул» – перестроечная метафора, имевшая в виду мафиозные структуры, – и о том, что никто из простых обывателей теперь не может чувствовать себя в безопасности, если запросто убивают людей самого высокого ранга.

Волей судьбы мне пришлось принять деятельное участие в раскрытии этих преступлений.

Впрочем, все по порядку...

* * *

К тому времени я уже не занималась исключительно охраной, как в самые первые месяцы моего проживания в областном центре, расположенном в Поволжье.

Поскольку моя деятельность в качестве бодигарда, а также просто «гарда» – то бишь охранника различных сверхценных грузов – была весьма успешной, ко мне стали периодически обращаться с более заковыристыми предложениями, напрямую не связанными с основным профилем моей тогдашней работы. И это в общем было понятно.

Ведь частенько случалось, что одной лишь охраной мое задание не ограничивалось.

Скажем, если вдруг на человека, которого я пасла, все же совершалось покушение и мне удавалось его предотвратить, то, само собой, выживший объект был весьма заинтересован в том, чтобы разобраться, кому он на этой поволжской земле мешает жить.

То же самое имело место в ситуациях, когда разнообразные неприятности происходили и с объектом охраны – будь то коробка с бриллиантами, пакет документов или особые фото – и видеоматериалы личного свойства, не предназначенные для посторонних глаз.

И поскольку мои функции охранника продолжались, я невольно начинала вникать в ход расследования и частенько вносила в него свою лепту.

Вернее, мое участие в расследованиях подобного рода можно было скорее обозначить как контрольный пакет акций данного мероприятия.

И что же, народ привык, что я делаю два дела сразу за одну зарплату, и не возражал пользоваться моими услугами и в таком качестве.

Первое время я ловила кайф от сознания, что я и это могу, что и это у меня получается, но потом подсчитала недополученную прибыль и решила, что хватит народу жить на халяву и надо брать с него дополнительную плату за новый профиль работы.

И народ стал платить еще и за это. А потом я попробовала уже не совмещать одно с другим и однажды взялась чисто за расследование.

Преуспев на другом поприще, которое оказалось гораздо более интересным, нежели безопасное перемещение людей и объектов на расстояние – то есть охрана, – я вскоре почти переключилась на новый вид деятельности. А раз так, то почему бы и не переквалифицироваться? Приятели выхлопотали мне лицензию, и теперь я даже периодически плачу налоги в местный бюджет.

Разумеется, ко мне чаще всего обращаются, когда не хотят взаимодействовать с милицией. Или в тех случаях, когда не уверены, что наша родная милиция будет столь же эффективно работать, как я.

Конечно, были и более крутые предложения. В таких случаях ко мне обращались с совершенно невыполнимыми поручениями. Например, добыть «компру» на такого-то или слямзить пакет новых разработок у конкурирующей фирмы.

Но ни шпионаж за людьми (кто не без греха!), ни промышленный шпионаж у меня не пропирал. Смешно сказать, но однажды ко мне обратились даже с предложением замочить «одного мента», а когда я сказала, что, мол, вы ошиблись дверью, попытались угрожать. Но мои знакомые быстро объяснили непрошеным гостям, что сейчас в стране узкая специализация и что если мне приходилось применять во время своей работы оружие, то это не значит, что я могу применять его исключительно по желанию клиента.

Буду откровенна и вот в каком отношении. Конечно же, я преступаю пределы своей, положенной мне государством, компетенции. Закон о частном сыске я нарушаю сплошь и рядом. А куда деваться? Как может профессионал с моими способностями результативно работать в рамках существующего на данный момент законодательства?

Ну посудите сами, что у меня за спиной? Учеба в спецзаведении, готовящем шпионов на импорт, трехлетняя практика в разведгруппе отряда «Сигма» в полевых условиях. Кто из моих коллег по сыску может похвастаться такой подготовкой, которую большинство сыскарей из органов видели только в кино?

Отвечать на этот вопрос, думаю, будет излишне. Так что меня при желании можно лишить и лицензии, причем запросто. Но на самом деле не так-то все элементарно, как кажется на первый взгляд.

Вкратце поясню.

Большинство моих клиентов – люди влиятельные и богатые. Большинство их проблем такой степени трудности и конфиденциальности, что они просто не могут позволить себе риск вваливать их на плечи компетентных органов, так как небезосновательно опасаются утечки информации – такое уже бывало.

Вот и получается, что я для них практически идеальный вариант. Человек, не связанный обязательствами перед той или иной группировкой – хоть криминальной, хоть финансовой, хоть государственной.

Я могу сделать для них то, что другие сделать не в состоянии, потому что я сама себе хозяйка и намерена таковой оставаться и впредь.

Хотя предложения насчет постоянной работы периодически возникают, но пока я их напроочь отклоняю. Деньги, конечно, предлагают немалые, но независимость стоит дороже.

Если подсчитать прибыль и убытки, которые исчисляются не только в дензнаках, но и в душевном спокойствии плюс чистая совесть, то, поверьте мне, такая дилемма перед вами просто не возникнет...

Но я, не буду скрывать, частенько пользуюсь своими влиятельными знакомыми из делового мира. И не только на предмет справок по тому или иному поводу. Не так давно я начала лоббировать свои профессиональные интересы на самом высшем уровне.

Посудите сами: если закон сковывает мою деятельность и препятствует эффективности моей работы, если получается, что я вынуждена на каждом шагу руководствоваться не его буквой, а реальностью и ее требованиями, то, полагаю, нужно не подстраиваться под несовершенное законодательство, а попытаться изменить его.

Я составила аналитическую записку по внесению изменений в существующий закон, потом обосновала все это и в виде тезисов передала свои материалы в приемную нашего депутата Государственной Думы.

Впрочем, этого мне показалось недостаточно, и я решила воздействовать на ситуацию изнутри, нажав некоторые нужные кнопочки. Но об этом я покамест не могу говорить – у каждого свои секреты.

* * *

В один из дней на пороге осени – когда стояли еще теплые дни прекрасного бабьего лета с их ясными вечерами и листопадом – я открыла газету и прочла, что вчера вечером был убит директор концерна «Парк-плюс» Н. М. Березовчук.

Сам по себе этот факт особого волнения не вызвал. Как это ни прискорбно, смертность среди контингента «первой тысячи» богатых людей нашего города достаточно высокая. «Первая сотня» обходится менее существенными потерями, а что касается «первой десятки», то тут, как правило, жертвы бывают крайне редко.

Березовчука подкараулили возле его дома и, когда он входил в подъезд, разрядили ему в спину охотничье ружье. Коммерсант возвращался в свою трехуровневую берлогу после крутой пьянки и был без охраны.

Покойник, конечно, был не подарок. Его раза четыре пытались посадить, два раза даже задерживали, и он несколько суток томился в СИЗО, пока его не выкупили приятели. Потом власти плюнули, махнули рукой и решили не связываться, поскольку Березовчук имел солидную лапу в областной администрации и был в прекрасных отношениях с «красными» директорами нашей «оборонки».

Эту «оборонку», кстати, он потихоньку прибирал к рукам. Рабочим от этого лучше не становилось, заказов не прибавлялось, но собственность есть собственность, и Березовчук считывал рано или поздно сорвать свой куш, поскольку предприятия скупались им за бесценку.

Человек, которого убили выстрелом в спину, мог бы расстаться с жизнью и гораздо раньше. Поводов для этого было предостаточно.

Например, деятельное участие Березовчука в перестроечную эпоху в коллективах, которые сейчас носят длинное определение – организованная преступная группа. Занимался он поначалу рэкетом, а когда его дружков начинали аккуратно отстреливать, на время уходил в тень. Потом Березовчук менял команду, переключался на очередную дойную корову, и все начинало вертеться по новой.

Но будущий покойник вовремя сообразил, что пора потихоньку легализовываться, и учредил охранную фирму. Надо ли говорить, что это был тот же самый рэкет, только прикрывшийся фиговым листочком в виде индивидуального частного предприятия?

Пару дней газеты писали об этом убийстве, выдвигая различные версии, которые на самом деле сводились к одной – результат мафиозных разборок.

Потом интерес к делу Березовчука заглох – не он первый, не он последний, в конце концов, как ни цинично это звучит.

Но через месяц грянул новый скандал – замочили Бессмертного.

Иван Иванович Бессмертный в отличие от покойного Березовчука с открытым криминалом не завязал и завязывать не собирался.

Ребята Бессмертного контролировали половину бензоколонок в городе, а также курировали транзит через нашу область наркотиков из Казахстана. За это Бессмертный получал неплохой процент как от получателей за пределами области, так и от отправителей – либо деньгами, либо натуральным продуктом: анашой и маковой соломкой.

Тут уж особых вопросов не возникало: где наркотики, там всегда случаются какие-нибудь разногласия – это неизбежно.

Впрочем, поговаривали, что тут не обошлось без спецслужб – государство в последнее время предпринимало отчаянные усилия привлечь в область средства крупных гигантов неф-

тяной индустрии, и в городе стали появляться бензозаправочные станции с флагами концернов, названия которых знали далеко за пределами страны. Потихоньку нефтяные монстры прибирали к рукам уже существовавшие в городе заправочные станции и, конечно, не потерпели бы контроля за прибылями со стороны местных бандитов.

Бессмертного похоронили по высшему разряду на самом престижном участке нового кладбища. Отчетами о церемонии были заполнены все местные газеты. И, само собой, этого покойника тоже вскоре забыли.

Ни первое, ни второе дело не было раскрыто. Под «зависшую заказуху» умудрились сместить начальника местного УВД, которым были недовольны в администрации. Среди причин отставки указывалась и недостаточно эффективная работа по раскрытию вышеупомянутых преступлений. Что же касается нового начальства, то его работа в этой области ничем не отличалась от деятельности предыдущего, но это отнюдь не ставилось ему в вину. Впрочем, это к делу напрямую не относится – у политиков ведутся свои игры.

Следующий месяц принес сразу два трупа – банкира Крутченко и заместителя управляющего фондом имущества города Гатова.

Банк, который возглавлял Крутченко, был из новых и явно долго бы не продержался – это было видно даже для неинформированных лиц.

Созданный буквально в считанные дни банк «Акоста» обещал поднебесные проценты и предлагал населению два десятка вкладов, которые должны были обеспечить ему, как говорилось в рекламном ролике, «бурную молодость, все удовольствия зрелости и безмятежную старость».

Я думала, что подобные «рога и копыта» ушли в небытие после печально известных пирамид, но, оказывается, повторение еще было возможно.

«Акоста», имея чисто «пирамидальные» цели, еще и обслуживал кое-какие интересы чиновников – до тех пор, пока бюджетным деньгам позволяли крутиться черт знает где. Вот они и крутились и накручивали обороты для тех, кто контролировал этот процесс.

Банк лопнул бы и сам, но смерть Крутченко ускорила его падение.

Убитый выстрелом из «ТТ» банкир унес с собой в могилу множество тайн властей держащих и «тайну вкладов», вернее, тайну их теперешнего местонахождения. В пользу того обстоятельства, что смерть Крутченко не была, так сказать, запланирована, свидетельствовала паника среди его ближайшего окружения в первые дни после убийства – видимо, киллер спутал планы многих людей.

Что касается взорванного чуть ли не на рабочем месте Гатова, то к нему можно было бы предъявить массу претензий. По поводу, само собой, приватизации и величины сумм, за которые приобретались те или иные здания городского фонда. Вернее, не величины, а ничтожности этих сумм в некоторых конкретных случаях.

Разумеется, Гатовым могли быть недовольны многие – и те, кто не получил вожаемого куска в виде недвижимости, и те, кому дорогу перебежал более богатый или более влиятельный конкурент.

«Однако, тенденция», – сказал бы чукча, изучая статистику нашей «заказухи» за последнее время. Конечно, с Москвой не сравнить. Но, поверьте, для нашего города это был перебор.

И очередной месяц тоже не оказался исключением. Власти стали нервничать, начальник управления внутренних дел на всякий случай лег в больницу, местная печать недоумевала и сетовала на недостаточное финансирование этих самых органов, а печать центральная разрадовалась двумя злободневными статьями о положении дел с преступностью в нашем доселе спокойном регионе.

Оба материала тоже были заказными, как и убийства, о которых они повествовали, – такой печальный каламбур. Первый метил в губернатора, второй был написан бывшим местным журналистом из областной газеты, который обиделся на то, что ему не выделили квар-

тиру, обещанную четыре года назад при поступлении на работу, затем женился на москвичке и совместил разгромный материал о нравах местной милиции с переездом в престольную.

Масла в огонь центральная пресса, конечно, подлила, но реальность продолжала оставаться по-прежнему такой же неопределенной, как и до появления статей, – расследования не продвигались.

Правда, касательно господина Гатова власти не могли просто так отмолчаться – как-никак свой, – и вскоре появилось сообщение, что в соседней области во время перестрелки с милицией погиб бандит, который находился в розыске в связи с делом Гатова.

А что там было на самом деле – никто, разумеется, доподлинно не знает, но власти на этот раз как бы выполнили свой долг и намекнули, что этот бандит и есть убийца. А раз его уже нет в живых, то можно как бы и не очень волноваться.

Но когда убрали Железнова – это произошло две недели назад, – деловые круги всерьез заволновались. Эта смерть могла многое изменить в существующем раскладе сил в данное время и в данном месте.

Железнов был главой крупнейшей в регионе фирмы по поставкам оргтехники, имел сеть магазинов в городе и соседних областях, он также прибрал к рукам три радиостанции и два местных телеканала.

Затем он стал депутатом областной Думы, и в городе тихо поговаривали, что на будущих выборах в Госдуму Железнов без проблем получит необходимое количество голосов. А те, кто говорил еще тише, прибавляли, что если даже он вдруг провалится, то его пристроят на хорошее место в администрации президента.

Дело в том, что Железнов в свое время оказал очень большую услугу одному нижегородскому (собственно, если быть точной – горьковскому) человеку. Тот Железнова не забыл и, когда оказался в Москве в непосредственной близости к демократическому престолу, всячески проталкивал Железнова наверх. Пока это удавалось только в плане экономическом, но не за горами была и политическая карьера – вопрос стоял только о сроках.

И вот Железнова убивают. Причем убивают как-то очень просто, без шума и взрывов, без автоматных очередей и выстрелов из винтовки с оптическим прицелом. Можно сказать, убивают по-домашнему.

Даже сказать как-то неудобно... В общем, его загрызла собака.

Обстоятельства убийства – а это было именно убийство – были более чем скандальными и сильно ударили по репутации нашей области.

Когда господин Железнов стоял возле своего новенького «Бугатти» и беседовал с южнокорейской делегацией бизнесменов, приглашенных на открытие роскошного супермаркета в сети магазинов Железнова, внезапно из подворотни на противоположной стороне улицы выскочила овчарка и, подбежав к Железнову, бросилась на него и вцепилась в горло. Охрана ничего не могла поделать: пока один пытался оттащить псину от босса, а другие искали удобную траекторию для выстрела, чтобы, не дай Бог, не поранить шефа, овчарка умудрилась прокусить Железнову сонную артерию.

Если бы даже секьюрити и сработали более технично, все равно ничего нельзя было поправить – собака-убийца точно знала, на кого именно она должна броситься и что должна прокусить.

А пресечь ее движение через улицу никто и не подумал: мало ли что, ну бежит себе собака и бежит, сейчас наверняка хозяйка с поводком появится.

Хозяйка застреленной овчарки-камикадзе, естественно, не появилась...

Южные корейцы покачали головами и уехали в состоянии, близком к шоку.

В администрации хватались за голову и стучали кулаками по столам.

В милиции протрезвевшие ради такого случая генералы орали на подчиненных.

В местных газетах долго думали, как следует подавать смерть бизнесмена такого уровня при таких обстоятельствах, чтобы никого не задеть.

В деловых кругах до основания стирались кнопки карманных калькуляторов – после смерти Железнова подсчитывали миллиардные убытки.

Братва только разводила руками и клялась, что она тут ни при чем и очень даже скорбит по поводу безвременной кончины Железнова, – и у информированных людей не было основания ей не верить.

После того как все понемногу пришли в себя, возник естественный вопрос: а зачем? Зачем потребовалось убивать Железнова таким необычным способом? В том, что это было убийство, никто не сомневался – просто так собаки на коммерсантов не кидаются. И тем более не прокусывают у них сонные артерии.

Разумеется, псину кто-то долго натаскивал и в нужное время сказал ей «фас». Наверняка во время дрессировки использовалась какая-то одежда Железнова – собака должна была узнать жертву по запаху.

Тщательное расследование не дало никаких результатов. Жители домов, между которыми располагалась подворотня, не видели никакого человека с собакой. Практически все они были в это время в помещении нового магазина с южнокорейскими новинками видеотехники – курьеры от Железнова опустили в каждый почтовый ящик в радиусе квартала приглашение на открытие супермаркета, в котором красным курсивом была набрана строчка о предоставлении предъявителю сего скидки в размере пяти процентов.

Что же касается трупа собаки, то анализ содержимого ее желудка не дал никаких результатов, которые могли бы навести на след ее хозяина. Равно как и пробы грунта с лап и анализ шерсти – на предмет установления содержания в ней микроэлементов, могущих хотя бы косвенно определить место ее содержания в городе.

Так, если бы обнаружили следы цинка, то вероятнее всего было бы искать сарай или конуру, где жила собака, в районе завода на северной окраине. Но, к сожалению, ничего определенного после результатов анализа сказать было нельзя. Эти сведения я получила из вторых рук, но человек, поведавший мне об этом, заслуживал доверия – его брат работал в лаборатории, к услугам которой частенько прибегали наши доблестные органы.

Город, конечно, был наводнен слухами и домыслами один невероятнее другого.

Поговаривали и о политической подоплеке убийства, и о заговоре кинологов, и о маньяке-дрессировщике. Овчарок на улицах теперь обходили стороной, а на их хозяев смотрели с подозрением.

Вопрос же, мучивший более прагматичных людей: «зачем?» – также остался открытым.

Были тщательно рассмотрены все возможные версии, и все они, одна за другой, были отменены. Я доподлинно знала, что и в криминалитете, и в бизнес-кругах были созданы специальные группы по выработке этих версий, но и та и другая зашла в тупик.

Теперь вспомнили и старую «нераскрытку», которая на фоне смерти Железнова выглядела особо впечатляющей. Из Москвы стали раздаваться грозные звонки, и большие люди намекали, что губернатор не очень-то справляется с обстановкой в области.

По стране как раз стали при каждом удобном случае заверять народ, что наступила стабилизация, а тут такие безобразия в одном отдельно взятом регионе! Непорядок, понимаешь. Надо устранять.

Устраняли пока что людей, а порядком не пахло, но губернатор вынужден был выступить со специальным заявлением и пообещал, что возьмет дело под свой личный контроль. Каждую неделю ему докладывали о том, куда продвинулось следствие, вернее, о том, что оно никуда не продвинулось. Губернатор велел достать заказчика хоть из-под земли. Органы поняли это буквально и организовали автокатастрофу мафиозному грузину, который недавно переселился

в наш город. После этого было объявлено, что покойный кавказец и есть предположительный заказчик убийства Железнова.

Никто этой информации не поверил, но Москва вроде бы успокоилась.

* * *

В этот первый февральский понедельник мы с тетушкой поменялись ролями.

Обычно она читает пухлые тома детективов, а я смотрю видик. Но тетя Мила, как-то раз обзрев мою коллекцию видеокассет, заявила мне, что хочет посмотреть фильм Сиднея Люмета «Убийство в восточном экспрессе», а я, настроив ей свой видик, принялась читать роман Агаты Кристи под тем же названием.

Тетя досмотрела последний титр на экране – «the end», когда я захлопнула роман, который одолела за два с лишним часа, пока длился фильм, – меня в свое время поднатаскали в технике быстрого чтения.

Обменявшись краткими впечатлениями, мы собирались вернуться к более привычным для нас формам отдыха: тетушка – к Спиллейну, я – к Спилбергу, когда раздался телефонный звонок.

– Это тебя, лапушка, – передала мне трубку тетя Мила. – Какой-то господин с бархатным баритоном. Надеюсь, что не по делу.

Тетя в последнее время всерьез озаботилась устройством моей личной жизни и прозрачно намекала на неженатых сыновей своих знакомых, которые прямо-таки жаждут сводить меня в театр или на концерт.

– Евгения... э-э.. Максимовна, – раздался в трубке приятный голос. – С вами говорит Раменский Андрей Васильевич.

Очевидно, звонивший ждал, что я скажу что-нибудь вроде «очень приятно», услышав фамилию «рыбного короля» нашего города, но я промолчала.

Понимая, что пауза немного затянулась, Раменский счел нужным пояснить:

– Мне дал ваш номер один наш общий знакомый. Помните историю с мраморными слониками? Вы тогда еще активно включились в...

– Можете не продолжать. Я понимаю, о чем идет речь, – прервала я его.

Раменский решил не называть фамилию человека, который направил его ко мне, хотя я не делала никакой тайны из того, что в свое время помогла сыну директора городского рынка выпутаться из сложной ситуации.

– Мой знакомый рассказал мне о ваших методах и о том, как решительно вы действовали для того, чтобы уладить его проблемы, – продолжал Раменский. – Но, как вы понимаете, я звоню не только для того, чтобы выразить свое восхищение. Мы могли бы увидеться?

– Да, конечно, – и я придвинула к телефону блокнот с ручкой.

Тетя уловила в моем тоне характерные деловые интонации и разочарованно вздохнула.

* * *

«Рыбный король» пах отнюдь не рыбой, но не менее резким французским фруктовым дезодорантом. Бывают такие мужчины, которые думают, что чем больше, тем лучше, и выливают себе на голову по полпузырька туалетной воды. Хотя, господа, поверьте, что подобные действия могут вызвать у женщин только приступ чихания.

Обладатель бархатного баритона не был красив и даже привлекателен. Природа, ссудив его завораживающим голосом, очевидно, решила, что этого дара для Раменского недостаточно, и наградила его чересчур курносый носом, маленькими глазками неопределенного серо-голубого цвета, низким ростом и оттопыренными ушами.

Принимал меня господин Раменский в офисе своей фирмы. Контора по поставкам рыбы арендовала (аж на девяносто девять лет) старинный трехэтажный особняк в стиле ампира в самом центре города.

«Не при помощи ли покойного Гатова?» – мелькнула у меня мысль.

Снаружи все было сохранено в неприкосновенности – таковы были условия аренды. Более того, здание претерпело капитальный ремонт, значительно улучшивший внешний вид.

Зато внутри дизайнеры и декораторы оторвались на полную катушку.

Там и сям, слева и справа, сверху и снизу взору посетителя представляли разнообразные рыбы – то на огромных панно, то на ветхом гобелене, Бог весть откуда взявшемся в стенах конторы.

Даже перила центральной лестницы были выполнены в виде русалок с переплетенными хвостами, причем некоторые из этих существ были женского пола, а некоторые – мужского, судя по бородам.

Оригинальные старинные перила с ажурным кружевом решетки были безвозвратно утрачены еще до вселения сюда фирмы Раменского – их попросту кто-то стащил, и теперь они наверняка украшали чей-нибудь дачный участок, возможно, и не в нашем городе; впрочем, такую вещь с руками оторвали бы и за границей.

Проходя по коридорам здания, я заметила, что двери офисов были снабжены наклейками, на которых тоже были изображены разнообразные рыбы, причем в прямой зависимости от значимости того или иного сотрудника, занимавшего кабинет.

Так, на отсеке вахтера был изображен карась, на первом этаже, где располагались приемные и кабинеты менеджеров, двери украшали налимы и окуни. Выше, на втором этаже, где находилась бухгалтерия, в дело пошли осетровые, а на самом верху – третий этаж занимала администрация – в глаза бросались сплошь киты, извергающие фонтанчики, и акулы с оскаленными пастьми. Самый большой кит был на двери Раменского.

– Это не рыба, это млекопитающее, – первым делом заявила я, перешагнув порог.

– Что-что? – удивился Раменский. – Ах, вы про кита? Ну и что? Все равно ведь плавает! Впрочем я предпочел бы быть какой-нибудь латимерией.

– Почему?

– Самая древняя рыба на планете, – серьезно ответил Раменский. – Наверняка водилась еще и до потопа. Рыбы-то ведь тогда выжили, в отличие от людей, не попавших в ковчег вместе с Ноем.

Этот исторический экскурс для Раменского был явно традиционным, и, могу поклясться, он выдавал его каждому человеку, впервые заходящему в начальственный кабинет. Сначала его хозяин давал гостю «показать свою образованность» насчет китов-млекопитающих, а потом настраивал его на солидный, стабильный лад фразой про то, что рыба, мол, всегда была и всегда будет, и никакие потопа ей не страшны. А поскольку Раменский ассоциировался именно с рыбой, то фактор стабильности автоматически переносился на его контору. Очень действенный психологический прием.

– Тогда рыбе не нужно было спасать свою жизнь, – согласилась я. – А вам сейчас?

Раменский удивился:

– Хм... А почему вы решили, что у меня возникла такая проблема?

– Думаю, что по любому другому поводу вы могли бы нанять кого-то еще.

– В принципе вы правы, – с неохотой согласился Раменский. – Хотя, конечно, можно сказать, что я перестраховываюсь.

Я уже ждала, что он произнесет традиционную поговорку насчет «перебдеть-недобдеть», и не ошиблась в своем предположении.

– В общем, – повертел пальцами Раменский, – мои аналитики из службы безопасности прикинули, что к чему, и пришли к выводу, что следующей жертвой могу стать, как это ни печально, я.

– Следующей жертвой кого? – сразу принялась я уточнять.

– Человека, который заказывает убийства. Вы, конечно, в курсе того, что происходило в нашем городе за последние месяцы?

– Разумеется, – кивнула я. – Но откуда у вас уверенность, что это действует один человек? Я могу изучить выкладки ваших экспертов?

Раменский покачал головой.

– Нет, это совершенно исключено, – извинительно развел он руками. – Там слишком много конкретики. Имена, фамилии, суммы. Человек со стороны не должен этого видеть, и он этого не увидит.

– Тогда моя задача значительно осложняется, – парировала я. – Могу даже сказать, что мне уже не очень хочется даже выслушивать ваше предложение. Вы ведь собирались нанять меня для охраны?

– Да, конечно, – кивнул Раменский. – И ваша реакция мне понятна. Могу предложить вам небольшой компромисс. Скажем...

Тут он поднял глаза к навесному потолку и побродил глазами по хвостатым муренам на гребнях морских волн.

– ...скажем, я смогу вкратце вас посвятить в суть аналитической записки, которую составили мои эксперты. Так сказать, конспективно обрисовать вам некоторые положения, но не более того.

«Кое-что частенько бывает лишь ниточкой, которая поможет размотать весь клубок, – подумала я. – В любом случае будет небезынтересно узнать о возможных версиях случившегося».

– Излагайте, – предложила я и, закулив, откинулась в кресле.

Схема, которую начертил мне Раменский, была довольно расплывчатой и малоубедительной. Впрочем, нас учили работе с недостоверными источниками, и я решила рассмотреть, что же надумали аналитики «рыбного короля», под другим углом зрения.

Если свести в одно всю ту информацию, которую выдал мне Раменский, то получалось все очень просто – готовится передел сфер влияния.

– Заметьте, не начался, а лишь готовится, – подчеркнул Раменский в середине разговора. – Чувствуете существенную разницу?

– Ощущаю, Андрей Васильевич, – кивнула я, – продолжайте, пожалуйста.

По мысли Раменского, некие силы расчищают себе площадку для создания сверхмощной группы, которая будет контролировать весь регион.

Андрей Васильевич глубокомысленно постулировал полное завершение этого процесса, которое совпадет с усилением полномочий регионов вплоть до того, что в обиход войдет термин «конфедерация».

По его мнению, некие силы – он наотрез отказался их как-либо конкретизировать – убирают наиболее неугодных им людей.

Жертвы, все как одна, обладают огромным влиянием и способны оказывать реальное воздействие на обстановку в городе, области и крае.

Понятно, что незаменимых у нас нет, и на их место приходят другие. Но, – и этот момент особо подчеркивал Андрей Васильевич, – новые назначенцы на голову ниже своих предшественников, и в дальнейшем их легко будет сместить или сломать.

Таким образом, все ключевые посты в экономике – а они в реальном раскладе отнюдь не совпадают с привычной схемой кадровой пирамиды – окажутся абсолютно и бесповоротно «прозрачными».

По образному выражению господина Раменского, элита военачальников будет ликвидирована, их место займут бездарности, и неприятель сможет без особого труда овладеть некогда неприступной крепостью.

– Это еще можно сравнить со сталинским террором, который ослабил наши вооруженные силы перед Второй мировой войной, – развивал свою мысль Андрей Васильевич. – Или с утечкой мозгов в перестройку.

– Только в настоящее время утечка мозгов, увы, перестает быть метафорой, – цинично пошутила я. – Мы сегодня имеем дело с черепами, раздробленными контрольным выстрелом в голову.

«Впрочем, – думала я, – если та картина, которую нарисовал мне Андрей Васильевич Раменский, правдива, то, переводя его рассуждения на обыденный язык, мы присутствуем при усилении одной мафии, которая намерена сменить ныне существующую».

В принципе ничего особо нового в этом нет, вот разве что методы для нашего времени выбраны чересчур кровавые, и мы успели отвыкнуть от подобного способа решения проблем – все дробовики уже упрятаны в шкафы, и бывшие ковбои-одиночки разучились стрелять.

– Это, пожалуй, все, что я могу вам сказать, – заключил Раменский.

– Но в таком случае людям из списка первой десятки, – сказала я, – следует объединить силы для того, чтобы как-то переломить ситуацию.

– Конечно, мы были бы готовы оставить на время существующие между нами разногласия, – отозвался Раменский, – и сообща предпринять какие-то действия. Но, видите ли, Женя, – можно вас так запросто называть? – для того, чтобы бороться с врагом, нужно хотя бы предположительно знать, кто им является.

– Погодите минутку, Андрей, – нахмурилась я. – Вы же только что сказали мне, что у вас есть на этот счет какие-то вполне определенные идеи и вы просто не желаете их разглашать.

– Эти идеи есть у меня, – подчеркнул Раменский. – Остальные мои коллеги, которые скоро должны превратиться в трупы – если, конечно, моя версия верна, – не представляют себе, кто может стоять за всей этой кровавой чехардой. Знаете, иногда самые простые вещи кажутся абсолютно невероятными, а то, что наиболее очевидно, как раз во внимание и не принимается. Вам приходилось сталкиваться с такими парадоксами?

– Приходилось, – коротко ответила я. – Не раз и не два...

* * *

У англичан есть пословица: «Если неизвестное существо выглядит, как собака, лает, как собака, и кусается, как собака, это и есть собака».

Эту народную мудрость жителей Альбиона очень любил куратор нашей группы в «Сигме» и повторял (на английском, разумеется) при каждом удобном случае. А такие случаи периодически возникали.

Неявность очевидности действительно одно из самых мощных средств для наведения тени на плетень. И для того, чтобы врубиться в реальность, надо всего-навсего отказаться от стереотипов мышления и увидеть вещи такими, каковы они на самом деле.

Думаете, это очень просто? Смею вас заверить, что это не так.

Вот посудите сами.

В «Сигму» время от времени приезжали военные специалисты или господа в штатском для того, чтобы прочесть нам курс лекций. Обычно их пребывание в группе не занимало больше недели.

Прибывший первого июля Икс лекций не читает, но периодически присутствует на занятиях. Также он время от времени беседует с курсантами, проводит их тестирование и делает какие-то записи.

Примерно пятнадцатого июля в группе возникает слух, что грядет проверка по линии Министерства обороны. Курсанты начинают спешно приводить в порядок свои конспекты и зубрить лекции.

Между тем Икс остается на территории расположения группы аж до пятнадцатого августа, не привлекая к себе особого внимания.

К этому времени все уже стоят на ушах и со дня на день ждут эмиссара из центра.

Надо ли уточнять, что он так и не приехал, а проверяющим оказался этот самый Икс?

Глава 2

Мои дни текли вяло, как вялая речушка на равнине. Прошло всего двое суток после нашего разговора с Раменским, а я уже начала скучать.

Честно говоря, я серьезно восприняла гипотезу своего нового шефа относительно заговора против верхушки местного бизнес-клана – Андрей Васильевич во время разговора со мной был весьма убедителен, и по его внешнему виду казалось, что дело тут нешуточное.

Однако следующие два дня никаких признаков тревоги у босса я не замечала.

Может быть, он получил по своим каналам какую-то обнадеживающую информацию, может быть, его аналитики протрезвели, явились с повинной к шефу и сказали, что всю теорию они взяли с потолка.

Как бы там ни было, шеф был целиком погружен в дела и не очень-то реагировал на мои постоянные напоминания о необходимости соблюдать осторожность. Мне даже пришлось поговорить с Андреем Васильевичем начистоту и твердо заявить ему, что если он и впредь будет позволять себе такое безалаберное поведение, то наш с ним контракт можно считать расторгнутым.

Кстати сказать, подобное поведение не было чем-то из ряда вон выходящим у людей, с которыми я работала. Многие даже не выдерживали моих условий и отказывались от моих услуг через несколько дней.

Но подобные проколы – а я считаю это именно проколом, причем с моей стороны, – бывали все реже и реже. Теперь я внимательно присматривалась к человеку, чью жизнь я должна была охранять от посягательств, и решала, стоит ли вообще браться за предлагаемую мне работу. Как правило, я не ошибалась в своем решении.

Дело в том, что для многих бизнесменов охрана – это нечто обязательное, но лишь формально. Секьюрити для них – знак собственной значимости, и прежде всего в глазах окружающих, а не реальная защита.

А разве приятно быть показателем преуспевания, чем-то вроде дорогой вещи – новой модели «Вольво» или крошечного мобильного телефона?

Раменский мог, например, выскочить из автомобиля, не дождавшись, пока я выйду первой. Мог запросто отпустить меня на полчаса, а сам в это время встречаться с каким-нибудь знакомым в кафе. Или, например, просто пройтись по улице, заглядывая в свои магазины и проверяя, ровно ли лежат ценники на витринах, такой у него был прикол, приводивший в трепет продавцов и управляющих.

Как можно нормально работать охраннику в такой обстановке, не понимаю.

А поскольку я «подписалась» на работу с Раменским, то мне приходилось то и дело осаждать его неумеренную прыть и буквально заставлять Андрея Васильевича следовать не мной придуманным правилам.

Раменский подчас сердился, но в конце концов соглашался со мной и не перечил.

Впрочем, у него появилось новое развлечение – Андрей Васильевич любил «навести туман» и поугагать человека, который, скажем, едет с ним в одном автомобиле на какую-нибудь деловую встречу.

В таком случае Раменский перед тем как шевельнуть мизинцем – я не преувеличиваю, – спрашивает у меня разрешения, я, подыгрывая ему, на полном серьезе отдаю распоряжения, а сидящий с нами в машине Ренат Касимов серьезно кивает головой.

Его сосед сначала не понимает, в чем дело, но потом просекает, что к чему, и, сообразив, что охрану такого уровня просто так не нанимают, начинает трястись, будучи уверен, что через минуту-другую нас начнут обстреливать из гранатометов. И на меня начинали смотреть, как на какого-нибудь «крепкого орешка» из голливудского боевика, разве что сменившего пол.

Ренат Касимов изо всех сил всем своим поведением старался подтверждать мою репутацию. Этот неразговорчивый молодой человек работал у Раменского «чиновником по особым поручениям», как шутливо выражался босс. На самом деле Ренат исполнял функции конфиденциального курьера и секретаря одновременно.

Вернее было бы определить функции Рената как нечто среднее между верным псом и электронной записной книжкой: Ренат мог, например, подсказать заработавшемуся боссу, что он запланировал сегодня встречу на пять, а если шеф хочет назначить собрание директоров своих магазинов, то может не успеть к установленному времени, и, наверное, следует забить стрелку на час позже, чтобы не заставлять людей тратить время попусту.

Раменский целиком и полностью доверял мнению своего конфиденанта и старался всегда иметь его под боком, чтобы спихнуть на Рената какое-нибудь не очень важное дело или поручить не очень принципиальные переговоры. Также в обязанности Касимова входило вести переговоры насчет места и времени встреч своего босса, дозваниваться до труднодоступных людей из местного правительства и тому подобная суетливая и отнимающая кучу времени деятельность. Короче, для босса он был незаменим.

Сначала Ренат отнесся ко мне несколько ревниво. Если продолжить начатое сравнение, то так могла бы воспринять породистая охотничья собака появление у хозяина легкомысленной болонки – не перепадет ли новому питомцу больше любви и внимания?

Но, убедившись, что я не претендую на местечко в сердце Андрея Васильевича, и удостоверившись, что я ни на йоту не перехожу грань, где кончаются сугубо деловые отношения, Ренат заметно помягчел и стал ко мне более расположен.

Впрочем, кое-кто был очень даже недоволен моим присутствием рядом с Андреем Васильевичем. В первую очередь тут нужно назвать супругу «рыбного короля» Викторию Федоровну Раменскую.

Очевидно, эта дама решила, что среди деловых кругов возникла новая мода – заводить себе любовницу-охранника. Если раньше эту роль традиционно выполняли секретарши, бывшие для жен бизнесменов объектом лютой ненависти, то теперь, видимо – по мнению Раменской, – жен решили перехитрить и «сменить пластинку».

Виктория Федоровна прочно вбила себе в голову, что супруг пудрит ей мозги, что никакая я не охрана, а самая натуральная шлюха.

Однажды я краем уха слышала следующий диалог супругов Раменских:

– И ты что, еще ей и зарплату платишь? – негодовала Виктория Федоровна.

– Так она же работает! – резонно возражал ей Андрей Васильевич.

– Работает? Хм! С каких это пор ложиться под своего босса называется работой? – язвительно интересовалась Виктория Федоровна.

– Она не ложится, – устало возражал ей муж. – Выбирай выражения, дорогая.

– Не ложится? – не унималась Виктория Федоровна. – Значит, вы стоя развлекаетесь?

– Мне не звонили из Норвегии? – пытался перевести муж разговор на другую тему. – Я дал свой домашний телефон одному дилеру...

– Что у тебя с ней за дела? – настаивала Виктория Федоровна.

– Это мужчина, – машинально поправил ее Андрей Васильевич.

– Это мужчина?! – палец Виктории Федоровны ткнулся в мою сторону.

– Дилер, который должен мне позвонить, – мужчина! – заорал Раменский.

– Какой еще дилер? – удивилась Виктория Федоровна. – Ты же сказал, что эта дамочка – твой охранник. Или я ослышалась?

Раменский тихо, но внятно матерился, Виктория Федоровна удовлетворенно улыбалась, а я... Я продолжала сидеть в хорошо протопленном холле загородного дома Раменских, поневоле слушая через открытое окно столовой всю эту нудную перепалку.

Она, кстати, происходила за трапезой. Я не любитель принимать пищу в середине дня. Честно говоря, мне ближе европейский гастрономический тип – плотный завтрак с утра и хороший обед вечером, но не слишком поздно; ужинать я давно разучилась.

Андрей Васильевич соблюдал время с двух до трех безукоснительно и старался ежедневно приезжать домой, чтобы перекусить, если можно назвать этим скромным глаголом плотный обед из пяти блюд плюс десерт.

Несмотря на зиму, Раменские почти безвыездно жили за городом – огромный дом в еловом лесу позволял вести такой образ жизни, равно как и наличие управляющего, механика, садовника, повара и многочисленной прислуги.

Городская квартира, как я понимаю, была чисто формальным местом жительства, хотя – и это я тоже вчера услышала за беседой супругов после утки, но перед пудингом – Виктория Федоровна Раменская периодически устраивала «налеты» на квартиру с целью застукать мужа «на месте преступления» с какой-нибудь девицей.

Несмотря на то, что у нее это еще ни разу не получилось, она не расставалась со своими подозрениями, а лишь прочнее в них укреплялась, предполагая за мужем не только супружескую измену, но и особого рода коварство, позволяющее ему ускользать от недреманного ока.

То, что Раменский крутится на работе как белка в колесе, во внимание не принималось. Не знаю, была ли у Раменского любовница, но работал он действительно как ненормальный и домой возвращался лишь под вечер, а уезжал в город в семь утра.

Впрочем, у меня тоже стали возникать кое-какие подозрения на его счет.

Дело в том, что Раменский каждый день уезжал в рекламное бюро – обычно после домашнего обеда – и проводил там час-полтора.

Внутри мне заходить запрещалось, несмотря на мои строгие предупреждения Андрею Васильевичу, и я вынуждена была ждать босса в машине или в предбаннике, листая глянцевые проспекты.

Не уверена, что сам Раменский должен был заниматься рекламным обеспечением своей компании. И вряд ли его присутствие должно было быть ежедневным. Но он упорно ездил в бюро, очень нервничал перед визитом туда и возвращался оттуда крайне сосредоточенный и еще более деловитый. Вторая половина дня проходила в убыстренном темпе, как будто Раменский старался наверстать время, проведенное в рекламном бюро, и сам себя подгонял.

Я по-прежнему сидела в холле загородного дома и смотрела на старинные настенные часы, гнавшие по кругу узорную секундную стрелку.

– Маша, ты уже покормила Микки? – живо поинтересовалась Виктория Федоровна у пожилой женщины, подававшей к столу десерт. – А Ренат покушал? Ты помнишь, что он не любит острый соус?

Микки был одноглазым пекинесом преклонных лет, который в это время посапывал на своей теплой подстилке, расстеленной в углу холла.

– С Ренатом все как обычно, он очень доволен. Уточка, говорит, хрустит на зубах. А вот Микки... Что-то у него неладно с аппетитом, Виктория Федоровна, – пожаловалась Маша. – Третий день ест и хвостиком не виляет, как будто через силу.

– Надо позвонить ветеринару, – решительно сказала Виктория Федоровна. – А что, твоя девица так и будет тебя в одиночестве в коридоре дожидаться? Может, ее тоже стоит покормить?

– Она не хочет, – коротко ответил Андрей Васильевич. – Я предлагал.

– Неужели она стесняется? – притворно удивилась Виктория Федоровна. – Странно, твои любовницы обычно были довольно бесстыдные создания.

– Вика, я тебя прошу...

– Тебе что, мало было той низкорослой с кривыми ногами? – продолжала доводить мужа Виктория Федоровна. – Впрочем, она еще и косила...

– Не понимаю, о ком ты говоришь? – спешно дожевывая круассан, откликнулся Раменский. – Так из Норвегии звонили или нет?

– Ну та, с которой моя двоюродная сестра видела тебя на концерте.

– Что, снова собачатся? – усмехнулся появившийся в холле Ренат.

Он уже успел немного вздремнуть после сытного обеда и теперь был не прочь перекинуться парой слов перед тем, как выходить с боссом на трассу.

– Милые бранятся – только тешатся, – неуверенно произнесла я.

– Милые? – еще шире усмехнулся Ренат, решивший немедленно оспорить мое провокационное утверждение. – Да они бы друг другу давно уже головы поотрывали, если бы возможность предоставилась.

Касимов плюхнулся рядом со мной на испанскую софу и углубился в кроссворд.

Виктория Федоровна, очевидно, по натуре была садисткой. Мало того, что она без устали капала мужу на мозги, но еще и мешала ему нормально обедать, а ведь Андрей Васильевич любил поесть!

«Если бы я была на месте Раменского, – вдруг подумала я, – то изменяла бы этой мымре только из принципа, честное слово. Лучше бы она за собой последила, чем упрекать мужа. У них что, зеркал в доме нет?»

Виктория Федоровна, конечно, могла бы больше внимания уделять своей внешности. Я думаю, что ей было не больше пятидесяти или пятьдесят с небольшим. Для женщины это, конечно, серьезный возраст, но отнюдь не предел.

Однако Раменская быстро сдалась. То ли доконала суматошная жизнь супруги бизнесмена, то ли постоянная нервотрепка давала себя знать, но она явно опустилась. Плюнула на фигуру, перестала красить волосы, и теперь ее голову украшали седые букли, легкомысленно вившиеся на висках, – ни дать ни взять бабушка.

Впрочем, детей у них не было. И, наверное, Раменская просто комфортнее чувствовала себя именно в такой роли – «язвы и стервы».

Это позволяло ей, с одной стороны, постоянно чувствовать себя несправедливо обиженной гулякой-мужем, с другой – она сама себя растравляла подобными подозрениями, даже если они были небезосновательными.

«Такие люди съедают себя изнутри», – говорила моя тетушка.

Когда я рассказала ей про то, что сейчас работаю у Раменского, тетушка Мила немедленно вспомнила и Андрея Васильевича, и его супругу.

Дело в том, что моя дорогая родственница знала в этом городе всех и вся, и ее можно было использовать как справочное бюро – давали себя знать многолетняя работа в юридическом институте и широкий круг знакомств, в том числе и в окол властных структурах советского времени, преимущественно среди родственников и знакомых партийной верхушки города.

– Как же, как же! – всплеснула она руками. – Вика ведь была дочерью сводного брата жены второго секретаря горкома партии!

– А откуда взялся Раменский? – спросила я ее. – Он и в то время занимался рыбой?

– Был директором «Морских даров», – подтвердила тетя. – Правда, на прилавках этих самых даров не было, как ты понимаешь. Но под прилавком все водилось... Мне рассказывали, что свадьба Вики была очень пышной. Правда, поговаривали, будто Вика чересчур долго засиделась в девках, а Раменскому грозила серьезная ревизия. Вот он якобы и решил подстраховаться.

– Помогло?

– А как же! – подмигнула тетя. – Ведь у этого брата была хорошая поддержка в Москве! Правда, после того, как начались неприятности с Елисеевским магазином, тут тоже многие напряглись. Но Раменский только укрепился – к тому времени он перешел уже на работу в управление торговли, и посадили не его, а нового директора.

Тетя с удовольствием предавалась воспоминаниям. Она даже прикрыла очередной том Картера Брауна, которого получила вчера по подписке, не забыв заложить закладку на нужной странице.

– Не понимаю, как можно каждый день есть икру, – сказала она задумчиво. – Хорошая икра – это ведь всегда маленький праздник. Ну хорошо, пусть хотя бы по воскресеньям! А то ведь ощущения притупляются, и хочется еще чего-то более изысканного...

Раменский уже закончил трапезу и допивал свой кофе со сливками, когда Виктория Федоровна задала очередной вопрос:

– Скажи мне, голубчик, а что, твоя новая... ну все-все, не буду... – осеклась она, поймав взгляд супруга, но все же продолжила: – Я хотела только спросить – твоя новая охрана, она что, будет тебя и в спальне охранять? И если да, то от кого?

Этот последний пассаж мне не понравился больше всего. И вот почему.

Подобные каждодневные упреки – а эта сцена повторялась уже не первый раз – могут толкнуть человека именно на то, что ему инкриминируют.

В принципе я могла бы предположить, что Виктория Федоровна прямо-таки толкает мужа ко мне в объятия, используя для этого очень хитрую тактику. Но зачем она выбрала такой способ?

Раменский остановился в дверях и, обернувшись, некоторое время молча смотрел на свою супругу. Босс был виден мне в зеркало, висевшее на противоположной стене, справа от обеденного стола.

– Я же тебе сказал, что Евгения Максимовна работает с половины седьмого до двадцати одного часа, – начал он говорить тихим, спокойным голосом. – За ней посылают автомобиль, и она приезжает сюда. Мы вместе едем по делам. Когда мой рабочий день закончен, мы возвращаемся сюда, а потом ее отвозят домой.

Было видно, что спокойствие с трудом дается моему шефу. Он в конце концов не выдержал и заговорил быстро и отрывисто:

– Что же касается спальни... Да, я подумывал о том, чтобы нанять Женю на круглые сутки. От кого охранять, ты спрашиваешь? Да от тебя, мое солнышко! Вдруг ты захочешь снова ощутить себя женщиной? Вспомни-ка, Викуша, напряги свои немногочисленные извилины, когда мы с тобой в последний раз занимались любовью? Что, не получается? Вот и я не помню!

Теперь на лице Андрея Васильевича появилась торжествующая усмешка.

– Я даже забыл твой запах! – прокричал он. – И надеюсь от всей души, что никогда больше его не вспомню! Чтоб ты сдохла, сука! Ты мне всю жизнь отравила и теперь покоя не даешь!

Он махнул рукой и вышел из комнаты. Виктория Федоровна успела прокричать ему вслед:

– Двадцать шестого мая тысяча девятьсот девяносто второго года в отеле «Атлантик» на Азорских островах! Номер сто одиннадцатый!

Виктория Раменская, оказывается, помнила. В отличие от своего супруга...

* * *

То, чего боялся Андрей Васильевич Раменский, произошло в этот же день, вскоре после возвращения босса из рекламного бюро.

Бухнувшись в автомобиль, Раменский велел шоферу гнать к кафе «Нимфа», где у него была назначена встреча с чиновником мэрии.

– Очень важно пробить сеть магазинов в новом районе, – торопливо объяснил мне Раменский. – Уже принято решение о расширении границ города, и нужно быстрее забить себе территорию.

Действительно, в скором времени наш город должен был значительно расширить свои пределы. Одно время распространился слух о проекте соединения областного центра с городом-спутником, который находился всего в пятнадцати минутах езды по мосту через Волгу.

Но такой вариант не устраивал слишком многих – прежде всего чиновников этого самого города-спутника. Кому охота лишиться львиной доли власти и перейти в подчинение более крупной структуре? И это в том – лучшем! – случае, если все сохранят свои кресла, что было, в общем-то, маловероятно.

Был выбран наиболее безболезненный вариант. К черте города решено присоединить территорию с севера, где располагались пустыри, которые можно было в короткий срок застроить многоэтажками, образовав два-три микрорайона.

Таким образом, население города мгновенно перескакивало миллионную отметку, что неизбежно переводило областной центр в новый статус.

А с учетом стремительного роста влияния нашего губернатора в центре и неизбежного уже превращения его в фигуру федерального – и даже международного – уровня такая перемена городского статуса была крайне выгодна местным властям.

Кстати, дом Раменского попадал в черту города по новому генеральному плану.

Здание находилось в большом дачном массиве, населенном весьма состоятельными людьми. Наверное, будь у нас привычным более дробный статус населенных пунктов, эта местность вполне могла бы сойти за какую-нибудь поволжскую Санта-Барбару...

Кафе «Нимфа» – думаю, что «рыбное» название намекало на то, что Раменский имел какую-то долю прибыли от этого заведения, – располагалось в центре города в одном из приземистых одноэтажных особняков прошлого века. Это было довольно дорогое заведение, но столы здесь тем не менее были нарасхват, и, когда я однажды намеревалась прийти сюда с тетей, к которой приехала приятельница с Камчатки, нам пришлось заказать столик по телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.